

СМЕНА
г. Ленинград

19 OKT 1938

ИСТОРИЯ отечественной музыкальной культуры насчитывает немало имен, бесконечно дорогих сердцу каждого просвещенного человека. Глинка и Чайковский, Мусоргский и Бородин, Римский-Корсаков и Скрябин, Рахманинов и Прокофьев — вот далеко не полный перечень композиторов, известными прославивших нашу Отчизну. Но одно имя особенно дорого советским людям — имя Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

И, быть может, только сегодня, в период мучительного очищения общества от скверны сталинизма и последующих лет застоя, мы начинаем по-настоящему понимать, сколь честен и мужествен был этот человек, стойко переносивший и несправедливую критику, и жизненные невзгоды. Как знать, доведись Шостаковичу дожить до нынешних дней, возможно, его трагедийная муза предстала бы перед нами в более светлом одеянии.

Вот уже тринадцать лет, как Шостаковича нет с нами. Но музыка его жива. Она звучит во всем мире, сочинения композитора перензаются во многих странах, десятки тысяч новых слушателей ежегодно приобщаются к высочайшей духовности его искусства. Но существует вопрос, который не может не волновать и любителей, и профессиональных музыкантов. Все ли делается для изучения жизни и творчества композитора? Ведь наследие гения неисчерпаемо и может сравниться лишь с целебным источником, обладающим живительной силой. Увы, в этой проблеме еще немало «белых» пятен.

Взяться за эти заметки меня побудили 13-е Шостаковические чтения, традиционно прошедшие в конце сентября — накануне дня рождения композитора — в Малом зале им. А. К. Глазунова Ленинградской консерватории.

История этих чтений сама по себе содержательна и интересна. Впервые проведенные в 1976 году по инициативе А. Н. Сохора — выдающегося ученого, возглавлявшего в то время секцию критики и музыковедения Ленинградского отделения Союза композиторов, и С. М. Хентовой — известного музыковеда, автора многих публикаций о Д. Д. Шостаковиче, — чтения сразу же привлекли к себе пристальное внимание культурной общественности. Небольшой зал Дома композиторов, где проводились 1-е и 2-е чтения, не мог вместить всех желающих, и с 1978 года они стали проводиться в Консерватории. Переезд совпал с кончиной А. Н. Сохора, и с той поры бесценным организатором и вдохновителем Шостаковических чтений стала С. М. Хентова.

Невозможно перечислить все интереснейшие доклады, сообщения и концертные выступления, прозвучавшие на чтениях за минувшие годы. Воспоминания людей, близко знав-

ших композитора, и рассказы об истории создания различных произведений, размышления о педагогических принципах Шостаковича и проблемах интерпретации его сочинений, архивные изыскания и редкие документы, впервые обнародованные на чтениях, быстро принесли им всеобщую известность.

В памяти многих слушателей остались выступления членов семьи Шостаковича, композитора Б. Тищенко, певицы И. Богачевой, философа М. Кагана, мастеров балета Т. Вечесловой и К. Сергеева, поэтов Е. Долматовского и М. Бажана, художников С. Гершова и Т. Апраксиной, скульптора А. Ананьева и многих других представителей творчес-

солютное отсутствие рекламы, но в меньшей степени — духовная черствость, лень и удивительная инфантильность студентов Консерватории и музыкальных училищ, которые не могли не знать о чтениях.

Но, может быть, Шостаковические чтения изжили себя и больше не нужны? Признаться, и такую точку зрения довелось мне услышать в кулуарах от одного из педагогов нашего музыкального вуза. И подумалось: не в том ли причина многих бед нашей культуры, что, обладая несметными богатствами, мы просто не в состоянии оценить их? Каких только музыкальных обществ, плодотворно работающих на протяжении столетий,

НУЖНА ЛИ МУЗЫКЕ РЕКЛАМА?

13-е Шостаковические чтения прошли недавно на удивление тихо... Как же вернуть им былой авторитет и популярность!

кой интеллигенции, хорошо знавших композитора. На чтениях впервые прозвучали Первое фортепианное трио Шостаковича, музыка композитора к фильму «Сказка о глупом мышонке», фрагменты из оперы «Сказка о попе и работнике его Балде». Запомнились и различные вокальные сочинения Шостаковича в исполнении Л. Филатовой, Л. Шевченко и А. Морозова.

По-своему интересной оказалась и программа нынешних, 13-х чтений, в которую вошли сообщение С. Хентовой о преломлении темы «единовластие и народ» в оркестровой редакции оперы Мусоргского «Борис Годунов», сделанной Шостаковичем в 1939 году; рассказ Б. Я. Тилеса об участии в записи музыки Шостаковича к фильму Ф. Эрмлера «Великий гражданин», посвященному гибели С. М. Кирова; поэма В. Азарова о Тухачевском с большим фрагментом, посвященным Шостаковичу, и стихи О. Сердобольского «Шостакович — тапер» и «Памяти Мравинского»; доклад музыковеда А. Кенигсберг об исполнении И. Добровейном сочинений Шостаковича в довоенной Латвии, а также «Басни Крылова» в исполнении Л. Филатовой и два малоизвестных романа Шостаковича — «Весна, весна» на стихи А. Пушкина и «Были поцелуи» на стихи Е. Долматовского, прозвучавшие в исполнении М. Валиулиной.

И все же прошедшие чтения оставили горький осадок. Прежде всего — практически пустым залом. И это при том, что на прошлых годах, 12-х чтениях в зале яблоку негде было упасть. Что же случилось? Вероятно, сказались аб-

не существует в мире! И только у нас нет ни общества Глинки, ни общества Чайковского, ни общества Шостаковича. В чем же тогда роль вновь родившегося Музыкального общества, если ему безразличны Шостаковические чтения?!

Так что же делать? Присоединиться к мнению горе-педагога или все-таки приложить силы, чтобы святое дело, поднятое энтузиастом одного человека, не заглохло? Думаю, что двух мнений на этот счет быть не может. Другое дело, что форма проведения Шостаковических чтений, возможно, нуждается в коррективах. Почему бы, например, не расширить тематику чтений за счет творчества учителей, современников и учеников Шостаковича? Быть может, не меняя форму, найденную С. Хентовой, стоит подумать о параллельном проведении в рамках чтения чисто научных конференций с публикацией тезисов докладов. Кстати, все прошедшие чтения полностью записаны на магнитную ленту. Разве этот богатейший материал не представляет интереса? Разве нельзя его превратить в книгу? А как можно забыть в стенах Консерватории об исполнительской стороне, для начала хотя бы силами студентов и аспирантов?

Наверное, пути решения этой проблемы могут быть различными. Важно лишь не забывать, что наследие гениев — бесценно и являет собой драгоценную сокровищницу нашего национального достоинства. Хранить и приумножать его — долг каждого культурного человека.

Борис БЕРЕЗОВСКИЙ

287